

ГБУ «Центр психолого-педагогической помощи семье и детям»

**Проблемы своевременного выявления
расстройств аутистического спектра
у детей от 0 до 3 лет**

г. Южно-Сахалинск
2018 год

Проблемы своевременного выявления расстройств аутистического спектра у детей от 0 до 3 лет. /составитель: Кашкина Е.Б. – 2018 г.

Брошюра адресована родителям, специалистам дошкольных образовательных организаций и специалистам других сфер, работающим с детьми младенческого и раннего возраста. Данная работа составлена на основе книги Е.Р. Баенской «Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний возраст)».

В брошюре представлены сведения об особенностях формирования эмоционально-волевой сферы здоровых детей и детей с расстройствами аутистического спектра в возрасте от 0 до 3 лет, которые могут помочь в своевременном выявлении данного нарушения развития у ребенка.

ВВЕДЕНИЕ

Рождение ребенка вызывает у родителей целую вереницу чувств, эмоций, радость смешивается с тревогой за здоровье малыша, ведь если на первый взгляд ребенок развивается нормально, нельзя исключить, что взрослые не заметили важные, но не очень явные признаки неблагополучия психического развития.

Основным показателем нормального развития ребенка является соответствие определенным общепринятым нормативам. При этом отслеживается своевременность прохождения основных этапов развития (когда сел, встал, начал фиксировать взгляд, следить за движением игрушки, брать ее в руку, когда появились гуление, лепет, первые слова и т.п.). Именно по этим известным признакам обычно идет оценка благополучия физического и психического развития малыша.

Прохождение этапов эмоционального развития может быть отслежено по таким же возрастным вехам. Для правильной оценки благополучия формирующейся эмоциональной сферы ребенка важно заметить не только отсутствие или задержку появления какой-либо обязательной поведенческой реакции, но и определить ее качество. Потому что наиболее тяжелые нарушения эмоционального развития, которые возникают, например, при раннем детском аутизме и становятся очевидными к 2,5 – 3 годам, могут закономерно вырастать из едва уловимых, тонких признаков эмоционального неблагополучия на самых ранних этапах развития ребенка.

Их нельзя определить по каким-либо формальным показателям, так как развитие такого ребенка может вполне укладываться в границы нормы, а иногда выглядеть как опережающее. Даже очень внимательные родители не всегда могут правильно оценить своеобразные черты поведения ребенка, характер его реагирования на близких и окружение в целом. Порой, значимые признаки патологического характера эмоционального развития вначале ошибочно воспринимаются как положительные качества малыша – крайне спокойного, «удобного», не просящегося на руки или бесстрашного. Во многих случаях родители чувствуют, что с ребенком «что-то не то», но что, понять трудно: то ли такой особый характер, то ли они сами недостаточно правильно взаимодействуют с ним.

К сожалению, в большинстве таких случаев не помогает и раннее обращение к специалистам – педиатрам и неврологам. Пока ребенок находится в младенческом возрасте, врачи не поддерживают родительских опасений. Когда ребенок становится немного старше, а нарастающие трудности его воспитания начинают проявляться более явно, когда он не реагирует на об-

ращение, не откликается на имя, возникают первые подозрения на снижение слуха, если не пользуется речью, на наличие речевых нарушений. Подозрения о серьезных трудностях эмоционального развития обычно возникают в последнюю очередь. Тем не менее, эти трудности достаточно распространены и благополучие развития эмоционально-волевой сферы должно отслеживаться также тщательно, как и благополучие двигательного, речевого и интеллектуального развития.

В данной работе рассматривается формирование необходимых механизмов эмоциональной регуляции поведения здоровых детей и детей с расстройствами аутистического спектра в возрасте от 0 до 3 лет, а так же описаны поведенческие позиции родителей по отношению к своим «особенным» детям. Эти сведения могут помочь выявить признаки настоящего неблагополучия в раннем эмоциональном развитии ребенка, приводящих к серьезным нарушениям и отличить их от проявлений временной нестабильности поведения у здоровых детей (появления страхов, капризов, непослушания), которые традиционно считаются кризисами детского развития.

Своевременное выявление расстройств аутистического спектра у детей раннего возраста является серьезной проблемой для многих семей. Чем раньше начнется комплексная и систематическая работа по коррекции нарушений развития у таких детей, тем больше шансов, что они смогут адаптироваться в обществе и прожить активную, полноценную жизнь.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА

Первый год жизни

В первый год жизни психическое развитие ребенка происходит в постоянном взаимодействии с близкими людьми, прежде всего, матерью, которая является посредником и организатором всех его контактов со средой. Ребенок на ранних этапах развития зависим от матери не только как от источника удовлетворения всех его потребностей в сытости, тепле, безопасности и т.д., но и как от регулятора его эмоционального состояния: она может его успокоить, расслабить, взбодрить, утешить и настроить на усложнение взаимоотношений с окружающим миром. Это дает ему ощущение надежности. Так реализуется первичная потребность малыша в стабильности и эмоциональном комфорте.

Главным моментом психического развития ребенка первых месяцев жизни является формирование индивидуальной привязанности (к матери, к близким). В рамках этой эмоциональной общности вызревают и развиваются

индивидуальные эмоционально-волевые механизмы ребенка – его способность в будущем самостоятельно разрешать жизненные задачи: организовывать себя, сохранять и поддерживать активность в отношениях с миром. Рассмотрим подробнее, что из себя представляют эти механизмы, как в раннем возрасте происходит их формирование в процессе взаимодействия ребенка с близкими.

Перед ребенком по мере его развития последовательно встает ряд все более сложных жизненных задач. Первой такой задачей становится взаимное приспособление младенца и матери друг к другу в обычных ситуациях взаимодействия – кормления, купания, пеленания, укладывания спать и т.п. Они повторяются изо дня в день, и младенец вырабатывает в них первые эмоционально окрашенные стереотипы поведения, свои первые индивидуальные привычки. Усвоение этих общих с близким стабильных форм жизни является первым адаптационным достижением ребенка. В то же время эти формы адаптации еще очень несовершенны. Младенец первых 2-3 месяцев жизни характерно нетерпелив, тяжело реагирует на изменения: нарушение режима кормления, сна-бодрствования, может тяжело переживать перемену обстановки, привыкая к определенным «рукам», манере человека, ухаживающего за ним большую часть времени, тяжело переживает его замену.

В этот период выраженные эмоциональные проявления ребенка носят в основном негативный характер (крик, плач). Их приспособительным смыслом является простое сигнальное воздействие на взрослого, призыв удовлетворить насущные потребности, устранить неприятное. Но эти сигналы призывают взрослого не только к прямому удовлетворению конкретной потребности ребенка. Взрослый стремится найти и более общие способы утешения малыша. Самыми распространенными из них являются укачивание, баюкание, приучение малыша к пустышке и основаны они на ритмической организации всех очень важных для младенца ощущений.

Довольно скоро близкие овладевают способами ухода за ребенком, приемами контроля над его эмоциональным состоянием и к концу третьего месяца у здорового ребенка возникает равновесие в выражении положительных и отрицательных эмоций. Взаимодействие ребенка с матерью все больше начинает определяться положительными эмоциями. Поскольку основные стереотипы удовлетворения базовых потребностей уже сформированы, на первый план теперь выходит потребность в общении, во внимании взрослого, в его непосредственном эмоциональном отклике.

Как известно, само лицо человека с первого месяца жизни является для младенца важнейшим и сильнейшим раздражителем. Теперь все более значимым становится его эмоциональное выражение, глаза и улыбка близкого.

Если до 2-3 месяцев любое лицо и даже маска или очень грубая имитация лица (круг и две точки вместо глаз) вызывает реакцию оживления у младенца, то после 3 месяцев ребенок ждет именно улыбки взрослого. Известно также, что дети чаще и дольше смотрят в лицо матери, когда оно выражает удовольствие, а при виде склонившегося над ним равнодушного лица ребенок испытывает беспокойство и активно требует участия.

В это время начинают развиваться новые более разнообразные способы установления и поддержания непосредственного эмоционального общения, появляются первые игры. Наиболее распространенной формой общего удовольствия в это время становится игра в «прятки»: появление и исчезновение из поля зрения малыша лица взрослого, когда он сам закрывает свое лицо или на секунду лицо ребенка. Момент возобновления глазного контакта переживается малышом наиболее остро и вызывает восторг.

В дальнейшем в общих со взрослым играх все большее значение постепенно начинает приобретать совместное сосредоточение на яркой цветной и звучащей игрушке. С ее помощью взрослый получает возможность не только успокоить малыша, но и развеселить его, поднять его активность. Важно отметить, что в этих взаимодействиях продолжает сохранять особое значение их ритмичность и повторяемость.

Вскоре ребенок и сам получает возможность самостоятельно «развлекать» себя с помощью активной манипуляции предметами, воздействующими на органы чувств. К этому времени у него уже появляется способность не просто брать игрушку, но и координированно действовать ею, извлекая разнообразные ощущения (стучать, бросать, вертеть и т.п.). Эти действия дают ему более сложные и разнообразные ощущения, чем примитивные действия самораздражения, характерные для ребенка более младшего возраста. Однако они тоже остаются ритмически организованными, направленными больше на воспроизведение определенного искомого воздействия на органы чувств, чем на активное обследование среды.

Вскоре после того, как ребенок начинает подтягиваться и опираться на ножки, характерными становятся его бесконечные «прыжки» и выбрасывание игрушки или пустышки из кроватки. Важно при этом то, что с наибольшей интенсивностью и, главное, наибольшей радостью, эта регулярно повторяющаяся (циркулирующая) активность превращается в игру в присутствии и при участии в ней взрослого. При этом ребенок получает удовольствие не только от совершаемых действий, но от реакции близкого. Такой же циркулирующий характер приобретает в этом возрасте и более ранняя игра в «прятки». Теперь ребенок сам может прятаться и высовываться, ловя взгляд взрослого.

Подобная циркулирующая активность позволяет ребенку самостоятельно поддерживать ощущения надежности и стабильности в отношениях с миром, с помощью которых происходит дальнейшее развитие взаимодействия с близким. Именно на основе таких повторяющихся реакций обычно складываются игровые ритуалы, дающие возможность объединения внимания, общего сосредоточения уже не только непосредственно друг на друге, но и каком-то объекте общего удовольствия. Эти ритуалы подготавливают к возможности управлять вниманием друг друга и координировать, подстраивать друг под друга эмоциональные оценки.

С возможностью управлять вниманием другого связано развитие у ребенка готовности следить за указанием взрослого и появление собственного указательного жеста. До сих пор направленное обращение ко взрослому было для ребенка не столь важно. Они составляли настолько слитное единство, что желания ребенка выполнялись как бы автоматически, в ответ на простое обозначение дискомфорта или требования. Если раньше ребенок просто тянулся к объекту желания, то теперь он тянет к нему руки, но взгляд при этом обращает на взрослого, так рождаются первые обращения и указательные жесты.

Так формируется обратная связь и в эмоциональном взаимодействии. Ребенок постепенно начинает учитывать эмоциональную реакцию взрослого на свои действия. Если на более раннем этапе развития у малыша наблюдалось примитивное эмоциональное заражение наиболее ярким состоянием другого человека, то теперь начинает формироваться истинное подражание эмоциональным реакциям взрослых. Так, пятимесячный ребенок уже может имитировать выражение лица матери и с удовольствием играть с выражением своего лица в зеркале. Способность адекватного эмоционального реагирования, отрабатываемая первоначально в игре, приводит к взаимной координации эмоциональных состояний, в результате у ребенка появляется возможность более активного и разнообразного воздействия на окружающих. К полугоду ребенок уже хорошо распознает основные эмоции своих близких и начинает сам выражать в соответствии с ситуацией удивление, обиду, грусть, гнев, радость, растерянность, смущение и т.п.

Главные изменения в оценке эмоционального состояния другого человека, происходящие в течение первого полугодия жизни ребенка, заключаются в появлении большей ориентации на качество этого состояния, его знак (положительный, отрицательный, либо нейтральный). Во втором полугодии жизни младенцы начинают оценивать выражение недовольства взрослого как нечто принципиально важное и соответственным образом реагируют на него – сами хмурятся, отстраняются, обиженно плачут.

Все большая избирательная ориентация ребенка на эмоциональные реакции близкого человека качественно меняет его отношения с окружением. Он становится менее зависимым от его непосредственных воздействий и более зависим от опосредующей эмоциональной реакции матери, теперь не просто успокаивающей или активирующей, а уже направленно организующей его поведение. Близкому взрослому все чаще удается «уговорить» ребенка чуть подождать, потерпеть в условиях дискомфорта, передать ему свое спокойствие и положительные эмоции, сосредоточить на важном впечатлении.

Но и эти более сложные способы организации стабильных надежных отношений с миром оказываются тоже недостаточными. Теперь ребенок становится уязвим в своих возможностях адаптации по-новому. Он начинает демонстрировать тревожность при нарушении не столько привычных форм организации жизни, сколько привычных отношений с близкими. Известно, что в этом возрасте тревога закономерно возникает при исчезновении матери – центра эмоционального приспособления ребенка к миру. Результатом выработки стереотипа индивидуальных отношений с близкими становится характерный для возраста 8 месяцев страх «чужого лица»: ребенок при виде незнакомого человека демонстрирует страх и неудовольствие, либо смущение и замешательство. Это явление свидетельствует не только о том, что ребенок хорошо различает своих и чужих. Теперь отсутствие близкого тяжело переносится ребенком, так как теперь он нуждается в стабильности эмоционального реагирования матери.

Этот новый период тревоги и страхов ребенка является показателем успехов в его развитии, но ставит перед взрослым новые задачи: помочь ребенку преодолеть нарастающие тревоги при нарушении привычных форм жизни. И механизмы, способные разрешить эти задачи, снова начинают созревать в общих играх. Содержанием этих игр, конечно, остается и непосредственное эмоциональное заражение, и общение вокруг игрушки. Но все большее место в них начинает занимать переживание совершенно особых впечатлений. Теперь ребенка начинает привлекать и веселить то, что раньше пугало. Первые страхи ребенка были связаны с быстрым придвижением к нему, резким нарушением равновесия, внезапным прерыванием привычного ритма. В рамках общей игры подобные впечатления начинают его смешить: он хохочет, когда его «бодают», «догоняют», подбрасывают на коленях и руках. В игры все больше вносятся новизна и неожиданность, она вплетается в общую привычную для малыша ритмическую организацию, в привычно повторяющийся стереотип игры как впервые возникающий элемент сюжета, приключения: «Сейчас я тебя съем», «По кочкам, в ямку бух» и т.п. Так ре-

бенок начинает тренировать возможность пережить ситуацию нарушения стереотипа, испытать удовольствие от неожиданности.

В это время значительно меняется вся жизненная ситуация ребенка. Это связано с тем, что малыш в процессе своего роста становится все более выносливым, подвижным и чаще оказывается в неожиданных, нестабильных ситуациях – перед ним встают новые задачи приспособления к окружающему миру. В этом возрасте новое начинает меньше пугать ребенка и больше доставлять удовольствие, он становится все более любопытным. Начинают развиваться принципиально новые отношения с миром, в основе которых лежит развитие эмоциональных механизмов адаптации к меняющимся, неопределенным условиям – механизмов экспансии (освоения нового пространства, «расширения зоны обитания»). Они впервые опробываются ребенком под защитой взрослого во время общей игры как переживание острого момента неожиданности с его моментальным положительным разрешением.

Так, к концу первого года жизни у ребенка сходит на нет стереотипная «циркулярная активность» в манипуляциях с предметами, игрушками; важной становится не столько повторяемость и надежность, сколько новизна, открытие новых возможностей. Поэтому у него появляется способность быть более гибким, предприимчивым в обращении с игрушками. И снова возможности, полученные в игре, начинают постепенно использоваться ребенком для реальной адаптации в жизни.

В возрасте 9-10 месяцев наблюдаются первые попытки активного исследования ближнего пространства. Это становится реально возможным не только потому, что ребенок получает к этому времени возможность самостоятельного передвижения (прежде всего ползанья, он начинает отрываться от мамы, исследовать дальние и незнакомые места). Именно появление любопытства, возможности при нарушении привычного хода событий испытать не панику, а интерес лежит в основе развития настоящего исследовательского поведения. Таким образом формируется соответствующий эмоциональный механизм экспансии – адаптация к меняющимся условиям, настраивающая на освоение нового, преодоление препятствия.

Наряду с приобретением навыков самостоятельного передвижения в пространстве, важнейшим адаптационным достижением к концу первого года является появление речи. Конечно, неправильно было вести отсчет речевого развития с появления первых слов. До этого был пройден важнейший этап, когда с самых первых месяцев младенец активно общался с близкими с помощью гуления, в этом взаимодействии он научился понимать и повторять интонации матери, выражать свои состояния и произносить звуки родного языка. Этап лепета как раз и отражает эту способность ребенка воспроизво-

дить устойчивые сочетания звуков, и это превращается в какой-то момент в его любимое занятие. Лепет стимулируется участием взрослого и постоянно сопровождает общие игры. Все чаще ребенок точно повторяет за мамой и вплетает в свой лепет новые интересные для него звукосочетания. Так его лепет все больше приближается к звуковому строю родного языка.

На этом фоне начинают фиксироваться общие для взрослого и малыша устойчивые обозначения наиболее привычных и любимых бытовых и игровых занятий. Закрепление за этими повторяющимися ситуациями первых примитивных слов («бай-бай», «ку-ку», «бух», «тик-так», «пока») становится возможным благодаря опоре на уже сложившийся к этому времени эмоциональный стереотип взаимодействия взрослого и ребенка. Таким образом, мы видим, что и речевое развитие находится в прямой зависимости от становления механизмов эмоциональной организации поведения.

С развитием стереотипа эмоционального взаимодействия связано и появление первых «настоящих» слов, использующихся как просьба, обращение, призыв, указание («мама, дай» и т.п.). Еще больше расширяются возможности опосредованного контакта – не только через предметы, игрушки, жесты, но уже и через слово. Слово начинает обозначать и качество отношений, качество происходящего с ребенком («хороший», «нельзя», «можно», «бьяка», «бо-бо»), подготавливая тем самым новую возможность регуляции его поведения.

Таким образом, в конце первого года жизни ребенок переживает состояние эмоционального подъема: он владеет достаточно разработанным жизненным стереотипом (полезными навыками, привычками), разнообразными способами эмоционального взаимодействия с близкими, активен в освоении нового. В перспективе дальнейшего развития очень важной становится возможность более длительного объединения внимания ребенка с близким на каком-то общем действии, возможность рассматривать вместе картинку в книжке, озвучивать как «разговаривают» герои-животные, слушать достаточно длинные детские стихи.

Тем не менее следующим шагом в развитии снова становится потеря эмоционального равновесия – характерный для годовалого ребенка первый серьезный кризис в отношениях со взрослым.

Первый возрастной кризис и его преодоление

Появление ходьбы становится моментом вступления в период этого кризиса – период первой ступени развития детской воли. Хотя традиционно этот кризис не считается острым, но и у здоровых детей в это время могут наблюдаться выраженные нарушения сна и бодрствования, потеря аппетита,

увеличение эмоциональной нестабильности (появление плаксивости, обидчивости). Эти трудности являются закономерными для данного этапа эмоционального развития.

Овладение ходьбой резко изменяет жизненную ситуацию. Взрослый перестает быть обязательным условием адаптации ребенка, который все чаще остается один на один с окружающим миром и временами начинает терять близкого как неперенный эмоциональный ориентир. В этот период происходит не только физическое, но и психическое отделение ребенка от взрослого – выделение его самоощущения из бывшего слитного переживания «Мы».

Сложности адаптации в это время проявляются в том, что он, оставшись один, попадает под власть привлекающих его внимание предметов и явлений окружающей среды, воздействующих на органы чувств ребенка, то есть силовых воздействий окружающего сенсорного поля. В это время впечатления начинают захватывать ребенка настолько, что это начинает мешать развитию его взаимодействия со взрослыми. Ему бывает крайне трудно оторваться от заинтересовавшего его объекта и разделить внимание со взрослым, как это было раньше. Он не сразу откликается на обращение, он слишком погружается в нанизывание колечек пирамидки, возя машинку, не может оторвать от нее взгляд, его захватывает пересыпание песка, перекалывание камешков.

Характерным примером «полевого» поведения может также служить стремление бежать безоглядно в направлении понравившегося предмета, совершать действия, продиктованные ситуацией и свойствами предметов: бесконечно открывать и закрывать двери, лезть во все ящики подряд, залезать на лестницы, стулья, и т.п. При этом близкий ребенка, еще недавно полностью контролировавший его поведение, встает перед фактом того, что часто он не может увести малыша от какого-то случайного впечатления.

При попытке подавить подобные проявления в поведении ребенка (путем запрета) родители сталкиваются с тем, что ранее послушный и довольный ребенок становится упрямым, капризным, демонстрирует яркие протестные реакции – негативизм, агрессию (он может даже укунить или ударить взрослого). В результате мать начинает чувствовать, что она теряет эмоциональный контроль над ситуацией взаимодействия с малышом, который оказывается полностью захваченным возникающими перед ним «полевыми» соблазнами.

Наиболее безболезненный выход из первого эмоционального кризиса возможен, если взрослый не перекалывает вину на ребенка и понимает, что трудности организации его поведения создаются его непосредственной захваченностью впечатлениями. В этом случае взрослый не вступает в кон-

фликт с малышом, а пытается переключить внимание ребенка в правильном направлении и, чтобы отвлечь его, находит другое яркое впечатление. Большую помощь в этом оказывает указательный жест и слово-указание. Каждая внимательная мама знает, что у ребенка не возникнет серьезной протестной реакции, если не пытаться просто оттащить его от лужи или забора, запретить подбирать замеченный камешек, а указать другую, не менее яркую эмоционально окрашенную точку окружения: «Вон птичка полетела», «Смотри, какая машина», использовать другую отвлекающую активность, которая тоже задается окружающим пространством: «Побежали вон по той дорожке» и т.п.

Родители часто торопятся, их может слишком расстраивать неожиданное изменение в отношениях с малышом, и они могут пытаться переломить его, требуя хорошего поведения, в тот момент, когда он просто не способен выполнить их просьбу. Возникновение устойчивого конфликта может стать причиной обострения проявлений кризиса, которые в другом случае могут быть более сглажены.

«Отвлекающие маневры» нельзя оценить как движение на поводу у капризного ребенка. Они являются скорой помощью в организации правильного поведения ребенка и позволяют сохранить эмоциональную связь с малышом, удовольствие и комфорт во взаимодействии, берегут его от накопления отрицательного опыта, сохраняют необходимые представления о себе как о хорошем, послушном ребенке. Кроме того, под их защитой получают возможность выработать механизмы самостоятельного преодоления импульсивности в поведении.

Обычно в этот период родители начинают очень детально проговаривать с ребенком не только то, что происходит с ним сейчас, но и то, что произойдет в ближайшем времени («сейчас мы купим молочка, а потом пойдем на горку, поздороваемся с детками, покатаемся немножко и домой пойдем...»). Такой смысловой комментарий помогает удержать направление общего движения в сиюминутной ситуации.

В это время развитие речи позволяет ребенку начать и самому включаться в этот комментарий. Он уже не только с удовольствием слушает, но и называет отдельные яркие события происходящего не только для близкого, как это было раньше, но и для себя самого. Начинает развиваться так называемая «эгоцентрическая речь» (говорит сам с собой и о себе), одной из важнейших функций которой является планирование. Именно возможность планирования (постановки и удержания общей смысловой перспективы) в дальнейшем даст ребенку возможность благополучно выйти из кризиса первого

года. Поэтому очень важное значение для ее развития имеет удержание эмоциональной связи близких с малышом в этот непростой момент его развития.

Выходя из этого кризиса, ребенок становится способным организовывать свое поведение с помощью прожитого, осмысленного вместе со взрослым и усвоенного правила. «Хороший» он теперь не только потому, что его все любят, но и потому, что он следует правилу, соответствуя ожиданиям близких.

Период раннего детства

Данный период, начинающийся выходом из первого кризиса и завершающийся вхождением в новый кризис 3-х летнего возраста, является одним из наиболее интенсивных и насыщенных периодов эмоционального развития ребенка. В это время ребенок продолжает активно осваивать индивидуальные способы эмоциональной организации своих отношений с миром.

В годовалом возрасте, когда ребенок оказывается один на один с захватывающим влиянием сенсорного поля, он временно теряет не только ощущение опасности (может побежать куда-то, не глядя, походя попытаться сунуть пальчик в розетку, хотя уже и знает, что это нельзя, бежит за всем, что движется), но и возможность сохранения осмысленности в поведении. Требуется время для того, чтобы и чувство края, и возможность удержания общего смысла происходящего вернулись к нему. Во взаимодействии с близким, в принятии его оценки происходящего, формируются уже собственные эмоциональные метки опасных мест, которым он постепенно начинает пунктуально следовать, уже сам, предупреждая маму о ямке на дороге или объявляя, что теперь можно побегать, не держась за ручку. Возникают первые способы установления дистанции с опасностью.

На новом уровне продолжается разработка и других подробностей стабильного уклада жизни. К году при нормальном развитии у ребенка должен был быть сформирован достаточно разработанный стереотип его жизни с набором определенных привычек в бытовом и игровом поведении, способов эмоционального контакта. Разделение постоянного младенческого единства с матерью, все большая частота пребывания малыша один на один с усложняющимся окружающим миром требуют более четкой и стабильной его разметки не только по отношению к опасности, но и к другим явлениям жизни и такая организация поведения осуществляется, прежде всего, с помощью слов. Первые слова, которые возникали в возрасте одного года, были указательные, теперь огромное значение для упорядочивания окружающих впечатлений имеет именно название. Оно всегда происходит в эмоционально значи-

мой ситуации и введенное таким образом слово обычно повторяется ребенком.

Упорядочивание впечатлений мира идет под знаком «мое». В это время появляются и начинают называться ребенком постоянные атрибуты всех его занятий: тарелочка, из которой он ест, пижама, горшок, игрушка, с которой он спит, одеяло, коврик на стене и т.п. Начинается период собирательства, накопительства: малыш начинает собирать игрушки в коробку, появляется интерес к множеству мелких предметов (пуговицы, камешки, карандаши, бумажки, листочки), которых обычно надо сразу много.

Постепенно формируется коллекция устойчивых признаков себя самого. Важными становятся все проявления себя в мире. Ребенок этого возраста особенно следит за их постоянством. Ему важна регулярность, повторяемость достижения результата и подтверждение своего успеха окружающими. Одновременно складывается и мир устойчивых признаков окружающего. В первую очередь это мир вещей, связанных с людьми: «мамина» сумка, «папины часы» и т.д. И здесь он пытается удержать надежность освоенных им признаков, следя за сохранением принадлежности вещи, привычного ритуала обращения с каждым из близких.

На фоне этого утверждения постоянства, надежности окружающего и себя в нем ребенок начинает активно экспериментировать с самим собой. Как раз в это время он совершает опрометчивые действия со своим телом, часто реально опасные в связи с тем, что может, увлекаясь, запихнуть какой-нибудь мелкий предмет себе в нос, натянуть пакет на голову. В раннем возрасте также характерны эксперименты с речью: едва научившись говорить, он пытается рифмовать, шуточно коверкать слова. Теперь он пробует по-настоящему использовать игрушку, извлекая из нее все возможные функциональные качества, которыми она обладает. При этом он бывает очень захвачен получаемыми впечатлениями, погружен в их переживание. Для этого времени характерно появление длительной возни с деталями конструктора, с кубиками, колесиками, коробочками, пирамидками, машинками, песком, переливанием воды. Значим при этом не только функциональный смысл игрушки, но и ее чувственная фактура, ребенок может, например, надолго погружаться в ощущение шероховатости или гладкости ее поверхности, следить за бликами, вслушиваться в издаваемые ею звуки и т. п.

Теперь малыш получает большую возможность осознавать смысл происходящего и прежде всего он снова начинает сам ощущать опасность, причем часто чувствует ее даже острее, чем взрослый. Например, как угроза может ощущаться любое отверстие, нарушение целостности предмета (круглый сток в раковине, куда уходит вода, сдувшийся на глазах шарик и т.д.).

Позже, когда ребенок сможет вместе со взрослым уложить этот отдельный наиболее яркий знак в целостный смысловой контекст ситуации, он начинает проговаривать происходящее, помечая его, отграничивая от себя и, тем самым, подтверждая свою защищенность: «бабушка ста-а-ренькая», «у дяди ножка больная», «сейчас вся грязная водичка убежит». Введенные в смысловой контекст, эти впечатления перестают быть пугающими. Иногда встречаются и попытки ребенка прямо противопоставить себя: «У дяди ножка болит, а у Пети нет». Это не говорит о черствости ребенка, скорее, о стремлении утвердить ощущение собственной безопасности. Именно поэтому с такой готовностью он откликается на утешения мамы в ситуациях, когда сам падает или ударяется («чуть не упал», «подули – все прошло»).

Проявляется снова особое внимание к близким, которое выражается в достаточно разнообразных способах выражения любви и нежности: поцелуях, объятиях, ласковом назывании. В это же время ребенка начинает тянуть к сверстникам, его заражает их возня, беготня, и он стремится в ней участвовать, получая массу удовольствия от общего движения. В это время не выделяется еще отдельных лиц и привязанностей, дети играют чаще всего «рядом, но не вместе».

Такая проработка чувственного эмоционального стереотипа в отношениях с миром дает ребенку очень четкие, детальные ориентиры в определении, запоминании и узнавании в последствии приятного, радостного и страшного. Впечатления, которые переживает ребенок в этом возрасте, прочно закрепляются в его эмоциональной памяти и становятся той основой интуитивного понимания смысла происходящего, комфорта и дискомфорта, стабильности, благополучия и опасности, хорошего вкуса и отвращения, брезгливости, которые остаются для него важными всю жизнь.

Впечатления для развития своего индивидуального стереотипа ребенок набирает уже самостоятельно, но организовать их в систему он может пока только с помощью близких. Наибольшее удовольствие ему доставляет организованность, упорядоченность его жизни. Должны соблюдаться привычные ритуалы, сопровождающие пробуждение, отход ко сну, прием гостей, обстоятельные сборы в дорогу и саму прогулку.

Таким образом, мы проследили ход раннего аффективного развития ребенка. Мы видели, что развитие ребенка при этом происходит неровно, и его совершенно «нормальный» ход включает в себя достаточно трудные периоды. Прохождение ребенком в течение первых лет жизни рассмотренных выше этапов эмоционального развития, отражающих последовательность формирования основных механизмов организации его взаимодействия с окружающим миром, свидетельствует о благополучии его эмоционального

развития. Задержка формирования какого-либо из этих механизмов, трудность включения его в систему эмоциональной регуляции поведения, застревание на стадиях использования их преимущественно в целях аутостимуляции (повторяющихся действий, осуществляемых с помощью собственного тела или окружающих предметов, позволяющих справиться с эмоциональным напряжением) без дальнейшего развития в необходимый способ адаптации приводит к неизбежным нарушениям эмоционального развития разной степени тяжести.

Далее рассматриваются четыре варианта аутистического развития детей в раннем возрасте и те отличия от развития здоровых сверстников, на которые необходимо своевременно обратить внимание.

ВАРИАНТЫ АУТИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Первый вариант

С раннего возраста дети с данным вариантом аутистического развития поражали окружающих своим внимательным взглядом, «взрослым», осмысленным выражением лица. Такой ребенок был спокоен, «удобен», достаточно пассивно подчинялся всем режимным требованиям, был податлив манипуляциям мамы, покорно принимал нужную позу у нее на руках. Он рано начинал реагировать на лицо взрослого, отвечать улыбкой на его улыбку, но активно контакта не требовал, на руки сам не просился.

Такой малыш легко отвечал на улыбку любого взрослого. Близкие, описывая такого ребенка, часто рассказывают, что это был «лучезарный мальчик», «сияющий ребенок», «очень общительный малыш». Такое поведение является обязательным на начальном этапе нормального эмоционального развития, после которого обычно появляется избирательность в общении, предпочтение близких, осторожность по отношению к «чужим». В данном случае таких изменений не происходило: ребенок мог спокойно пойти на руки к незнакомому человеку, у него не появлялся «страх чужого», и позднее такой малыш мог легко уйти за руку с посторонним человеком.

Такой ребенок до года никогда ничего не тащил в рот, активно ничего не требовал, его можно было оставить одного в кроватке или в манеже на довольно длительный срок, зная, что он не будет протестовать.

У этих детей в самом раннем возрасте отмечалась особая чувствительность к воздействиям окружающей среды повышенной интенсивности, особенно к звукам. Младенец мог испугаться гудения кофемолки, электробрит-

вы, шума пылесоса, треска погремушки. Часто близких удивляло предпочтение малышом неярких игрушек, или длительное разглядывание им какой-то однотонной гравюры, висевшей на стене и отсутствие интереса к красочной репродукции. В дальнейшем развитии, когда в годовалом возрасте ребенок попадал под влияние окружающего сенсорного поля, эта изначальная чувствительность к отдельным впечатлениям терялась, и заметным становилось отсутствие реакции ребенка на сильный раздражитель, даже отклика на боль или холод. Могла пропадать и выраженная реакция ребенка на громкий звук, из-за чего у близких малыша возникало подозрение о том, что он теряет слух.

С раннего возраста такие дети не пользовались активно игрушками, вообще не стремились взять что-то в руки, но уже до года проявляли особый интерес к книгам, любили слушать чтение хороших стихов, классическую музыку. Рано отмечалась особая очарованность светом, движением: ребенок изучал блики, играл со своим отражением в стекле дверцы шкафа, с тенью на стене.

Пока такой ребенок вел «сидячий» образ жизни, он не доставлял близким никаких хлопот. Но как только он освоил навыки ходьбы, ситуация резко изменилась. Ранее пассивный, спокойный, умиротворенный малыш становится практически неуправляемым. Он начинает отчаянно карабкаться на мебель, убежать, не оглядываясь, и кажется, что у него совершенно отсутствует чувство опасности.

Уже отмечалось, что при нормальном развитии в годовалом возрасте наступает критический период, когда ребенок попадает под влияние окружающего сенсорного поля (всей совокупности впечатлений и ощущений внешнего мира) и совершает действия, которые диктуются этим полем: выдвигает и задвигает ящики стола или шкафа, не может не влезть в лужу, не бежать по дорожке, и т.д. Контролировать и организовывать взрослому его поведение в таких ситуациях, помогает предыдущий опыт совместных переживаний, общих впечатлений. Используя этот опыт, близким удастся переключать внимание ребенка на какое-то другое значительное для него явление или объект. У аутичного ребенка подобный опыт общего со взрослым сосредоточения на чем-либо не накапливается. Поэтому не складываются индивидуальные стереотипы взаимоотношений с миром, привычки, предпочтения и страхи, не формируются способы взаимодействия с близкими людьми. В таких условиях невозможно развитие ни бытовых, ни игровых, ни речевых навыков. Отдельные изредка возникающие слова пропадают и не возвращаются, потому что не могут быть привязаны к регулярно воспроизводимому жизненному стереотипу. Поэтому из наиболее характерных признаков дан-

ного варианта аутистического развития является мутизм (полное отсутствие речи при нормальном строении речевого аппарата).

Второй вариант

Еще в младенческом возрасте с детьми, имеющими подобный вариант развития, проблем, связанных с уходом за ними, гораздо больше. Они активнее, требовательнее в выражении своих желаний и недовольства, избирательнее в первых контактах с окружающим миром, в том числе и с близкими. У них не наблюдается пассивной подчиняемости в обычных каждодневных процедурах кормления, одевания, укладывания спать, купания и т.д., ребенок скорее сам диктует матери, как с ним следует обращаться, принимая или активно отвергая требования режимных моментов ухода за собой. Поэтому очень рано складываются и жестко поддерживаются первые стереотипы взаимодействия малыша с его окружением.

Такой младенец рано начинает выделять маму, но привязанность, которая формируется по отношению к ней, носит характер примитивной симбиотической связи (младенческого единства с матерью). Постоянное присутствие матери необходимо для него как основное условие существования. Конечно, в таком возрасте и обычный ребенок остро переживает даже непродолжительную разлуку с близким человеком, однако, дети с данным нарушением развития реагируют настолько тяжело, что у них могут проявиться выраженные соматические реакции (например, резкое повышение температуры). С возрастом эта особенность не сглаживается, а наоборот, может усиливаться.

Приверженность к постоянству, стабильности в отношениях с окружением характерна для первых месяцев развития здорового ребенка (малыш выраженно реагирует на перемены, привязывается к рукам ухаживающего), однако постепенно отлаживается все большая гибкость в его взаимоотношениях с мамой, а через нее – с окружающим миром. У аутичного ребенка этого не происходит, напротив, к двум-трем годам требование сохранения постоянства деталей окружения нарастает и уже выглядит как патологический симптом нарушения развития.

Такой ребенок особенно чувствителен к соблюдению режима со всеми его мельчайшими подробностями. Характерно раннее закрепление не только определенного впечатления, но и способа его получения. Так, при однократной попытке замены грудного молока сцеженным молоком младенец не только отказался от еды, но и кричал в часы, совпадающие со временем этой неудачной подмены ежедневно в течение двух месяцев. В младенческом возрасте для всякого ребенка предпочтительны и какая-то определенная форма

пустышки, и одна, наиболее удобная и привычная поза при укладывании спать, и любимая погремушка и т.д. Однако ребенку с данным вариантом аутистического развития нарушение этих вполне естественных привычек кажется реальной угрозой для жизни. Например, потеря любимой пустышки (или тот факт, что она оказалась прогрызенной) превращается в тяжелую трагедию из-за того, что совершенно аналогичную достать не удалось, невозможность поместиться в коляску (единственное место, в котором ребенок спал с рождения до трех лет) приводит к серьезному расстройству сна малыша. Часто оказывается существенной проблемой введение прикорма, переход от жидкой пищи к твердой, расширение привычного рациона питания. Обычно дети с данным вариантом аутистического развития проявляют наибольшую избирательность в еде.

Так, уже в первые годы жизни складывается и на протяжении долгого времени сохраняется экстремально стабильный ограниченный набор возможных контактов со средой, привычных действий, из которых складывается каждый день ребенка, и менять которые он не позволяет: один и тот же маршрут прогулки, ежедневно одна и та же книжка или музыкальная запись, постоянно зажатая в руке одна и та же игрушка или предмет (мамина рубашка, палочка, коробочка из-под йогурта, электрическая лампочка), одна и та же еда (вплоть до того, что единственной едой ребенка может стать определенный сорт печенья, причем только одной формы и размера), использование одних и тех же слов и т.д. Могут формироваться и очень сложные ритуалы, воспроизводимые ребенком в определенных ситуациях, одни из которых могут выглядеть достаточно приемлемо, а другие совершенно нелепо, неадекватно. Например, двухлетняя девочка обязательно должна была ежедневно кружиться в определенном месте книжного магазина, держа в руке длинный огурец или батон.

С раннего возраста ребенок этой группы проявляет особую чувствительность к сенсорным (оказывающим воздействие на органы чувств) параметрам окружающего мира. Очень часто уже до года наблюдается повышенный интерес к форме, цвету, фактуре окружающих предметов. Подобная тонкость восприятия поначалу может породить у близких ребенка ощущение его замечательного интеллектуального развития. Так, родители часто рассказывают, как ребенок в раннем возрасте прекрасно раскладывал по цвету кубики, колечки от пирамидок, карандаши, хотя его вроде бы этому и не учили специально. На третьем году жизни ребенок хорошо запоминал и показывал буквы, цифры, страны на карте мира, цветы в ботаническом атласе, демонстрировал прекрасную музыкальную память, воспроизводя достаточно сложные ритмы и мелодии, прекрасно запоминал стихи, о чем свидетель-

ствовал его отчаянный протест при замене в них какого-то слова. Не достигнув двух лет, такие дети могли безошибочно достать с полки любимую книжку (распознав ее корешок), прекрасно ориентировались в кнопках телевизора и т.д.

Такая чувствительность к сенсорным ощущениям уже в раннем возрасте порождает у детей с данным вариантом развития достаточно сложные и разнообразные формы аутостимуляции. Наиболее ранние из них – раскачивания, прыжки и потряхивания ручками перед глазами – родители часто замечают еще на первом году жизни. Затем постепенно нарастает особое сосредоточение на ощущениях от напряжения отдельных мышц, суставов, застывание в характерной позе вниз головой. Одновременно начинает привлекать скрипение зубами, игра с языком, со слюной, облизывание, обнюхивание предметов. Ребенок занимается поиском особых тактильных ощущений, возникающих от раздражения поверхности ладони, от фактуры бумаги, ткани, от перебирания и расслаивания волокон, сжимания целлофановых пакетов, верчения колесиков, крышек.

Этап развития, для которого в норме характерны однообразные многократные манипуляции с предметами, обычно завершается к концу первого года жизни. На смену им закономерно приходят более сложные формы обращения с объектами, в которых ребенок уже начинает использовать функциональные свойства игрушек или объектов. Аутичный же ребенок настолько захвачен однажды возникшими определенными сенсорными ощущениями что его стереотипные манипуляции закрепляются. Например, он не пытается возить, нагружать машинку, а продолжает на протяжении ряда лет вращать колеса или держать заведенную игрушку в руках; не строит башенку из кубиков, а однообразно раскладывает их в горизонтальный ряд.

Так же стойко, как положительное, фиксируется ребенком и полученное однажды отрицательное впечатление. Поэтому окружающий его мир окрашен в очень контрастные тона. Крайне легко возникают уже в раннем возрасте и остаются актуальными на протяжении ряда лет многочисленные страхи.

Причины страхов достаточно разнообразны. Часть из них порождается раздражителями, связанными с инстинктивным ощущением угрозы (например, резким движением по направлению к ребенку, фиксацией его туловища и застреванием головы в воротах при одевании, неожиданным «обрывом» в пространстве, например, ступенькой лестницы и отверстием люка, болью). Сам факт возникновения испуга в подобных ситуациях естественен. Необычной же бывает острота этой реакции и ее непреодолимость. Так, один маль-

чик еще в младенчестве испугался взлетевших из-под коляски птиц, и этот страх зафиксировался на многие годы.

Чрезмерная чувствительность таких детей является причиной того, что страхи легко провоцируются раздражителями повышенной интенсивности: громким звуком (урчанием труб, стуком отбойного молотка, грохотом лифта, лаем собаки, резким голосом и т.д.), насыщенным цветом (черных волос, розетки на стене, ярко-желтого дверного крючка, красных ягод). Иногда у особо чувствительных детей выраженный дискомфорт и страх может вызывать даже умеренный раздражитель (прикосновение к голове, капля сока или воды на коже). Можно представить себе, насколько в таких условиях бывает тяжело выполнять обычные процедуры ухода за маленьким ребенком. В большинстве случаев, наблюдаемых нами, у детей с подобным вариантом развития с раннего возраста (до двух лет) возникали и прочно фиксировались страхи горшка, мытья головы, стрижки ногтей, волос.

Наряду с перечисленными сильнейшими конкретными страхами у таких детей крайне легко возникает страх, вызываемый любым изменением привычных условий жизни. Особенно тяжело могут переживаться перемена места жительства, переезд на дачу и обратно, выход мамы на работу, помещение в ясли и другие события, неизбежно происходящие в жизни каждого малыша. Под их влиянием у аутичного ребенка может нарушаться сон, теряться приобретенные к этому времени навыки, наблюдаться регресс речи, усиление аутостимуляционной активности и появление самоагрессии. Заметно влиять на его поведение могут и более «несерьезные» изменения – например, перестановка мебели в комнате или приход гостей в дом.

Пока такой ребенок находится под постоянной опекой матери, поддерживающей сложившийся набор возможных для него условий существования и способов взаимодействия, знающей его привязанности и страхи, понимающей и осуществляющей его желания, он в достаточной степени огражден от угрожающих моментов и связанных с ними аффективных срывов. Когда наступает критический период физического отрыва от мамы в районе года, он оказывается несостоятельным в самостоятельном развитии индивидуальных способов взаимодействия с миром и застревает на этапе уже сложившихся примитивных стереотипов контакта с окружением. У него рано фиксируются пугающие ситуации, поэтому он так отчаянно сопротивляется новизне, изменению, не решается экспериментировать и требует сохранения постоянства. Именно поэтому у него складываются только самые простые бытовые, социальные и игровые навыки, которые жестко привязываются к ситуации, в которой они возникли. Точно также его речь остается в границах использования готовых речевых штампов.

Третий вариант

Для этих детей на первом году жизни также была характерна особая ранимость, сильная реакция на воздействия окружающей среды. В первые месяцы жизни ребенок мог быть плаксивым, беспокойным, трудно засыпал, его нелегко было успокоить. Он чувствовал себя дискомфортно и на руках у мамы: крутился или был очень напряжен – «как столбик». Порывистость, резкость движений, двигательное беспокойство могли сочетаться с отсутствием «чувства края». Так, например, одна мама рассказывала, что малышка приходилось обязательно привязывать к коляске, иначе он свешивался из нее и вываливался. При этом ребенок был пуглив. Из-за чего его легче было организовать иногда какому-либо постороннему человеку, чем близким: например, мама никак не могла успокоить младенца после приема в поликлинике, но это легко сделала проходящая мимо медсестра.

Такой ребенок рано выделяет близких, привязывается к матери. Но именно в историях детей с данным вариантом развития наиболее часто присутствуют тревоги и переживания близких о том, что от малыша не чувствовалось достаточно ощутимой эмоциональной отдачи. Обычно его активность в эмоциональных проявлениях выражалась в том, что он их строго дозировал. В одних случаях соблюдением дистанции в общении (такие дети описываются родителями как неласковые, холодные – «никогда головку на плечо не положит»). В других случаях, когда дозирование осуществлялось через ограничение времени контакта, ребенок мог быть эмоциональным, даже страстным, мог одарить мать обожающим взглядом, но потом вдруг резко прекратить общение, не отвечая взаимностью на ее попытки продолжить контакт.

Иногда наблюдалась парадоксальная реакция, часто, это именно те случаи, когда ребенок, по-видимому, ориентировался на интенсивность раздражителя, а не на его качество, например, пятимесячный малыш мог расплакаться при смехе отца. При попытках взрослых более активно взаимодействовать с ребенком, устранить нежелательную дистанцию в общении, могла возникнуть ранняя агрессия. Так, ребенок еще до года пытался ударить мать, когда она брала его на руки.

Когда дети с таким вариантом развития приобретали навыки самостоятельного передвижения, они тоже попадали под влияние полевых тенденций. Однако здесь больше захватывало не сенсорное поле в целом, а отдельные стойкие впечатления, очень рано начинали фиксироваться особые напряженные влечения. Так, один мальчик, гуляя по улице в двухлетнем возрасте, перебежал от дерева к дереву, страстно обнимал их и восклицал: «Мои люби-

мые дубы!»). Такой ребенок выглядел порывистым, экзальтированным, не замечающим реальных препятствий и опасности на пути к достижению желаемого. Более того, его влечения часто исходно были связаны с переживанием испуга. У многих детей в этом возрасте обязательным занятием на прогулке было забегание в каждый чужой подъезд, чтобы зайти там в лифт или заглянуть в подвал. Типично также стремление высунуться из окна или выбежать на проезжую часть, дотронуться до проезжающей машины.

Когда родные пытаются организовать такого ребенка, возникает бурная реакция протеста, негативизма, поступков назло. Причем, если мама достаточно остро реагирует на это сама (сердится, расстраивается – словом, показывает, что ее это задевает), подобное поведение закрепляется. Ребенок и здесь стремится вновь и вновь получить то сильное впечатление, соединенное со страхом, которое он испытал при яркой реакции взрослого. Переживание ребенка в этом случае уже носит более развернутый характер, имеет некоторый сюжет, поэтому у детей с подобным вариантом развития обычно рано появляется достаточно сложная речь. Ее развитие используется прежде всего для проигрывания таких стереотипных сюжетов. Такой ребенок является очень «речевым» – однообразные фантазии заменяют ему не только реальную жизнь, но и реальные игровые действия. Речь активно используется и для развития других форм его аутостимуляции: он дразнит, провоцирует на отрицательную реакцию близких, произнося «нехорошие» слова, проигрывая для них в речи социально неприемлемые ситуации. Вместе с тем, для такого ребенка характерно ускоренное интеллектуальное развитие: у него рано появляются «взрослые» интересы к энциклопедиям, схемам, счетным операциям, словесному творчеству.

Четвертый вариант

У детей с данным вариантом аутизма особенности раннего эмоционального развития выражены минимально. Скорее обращает на себя внимание небольшая задержка моторного и в большей степени речевого развития, сниженный тонус, легкая заторможенность.

Такие дети рано выделяют мать и вообще круг близких им людей. Своевременно появляется боязнь чужого человека, причем выражена она бывает очень сильно. Характерна реакция испуга на неадекватное или просто непривычное выражение лица взрослого человека, на неожиданное поведение ровесника.

Такой ребенок обычно ласков, привязчив в эмоциональных контактах с родными. Отмечается очень сильная привязанность к матери, причем в данном случае, это уже не столько физический, сколько эмоциональный симби-

оз: ему нужно не только ее присутствие, но и постоянное эмоциональное тонизирование с ее стороны. Уже с раннего возраста и затем постоянно такой ребенок демонстрирует экстремальную зависимость от поддержки, одобрения со стороны родителей.

Однако, несмотря на такую сверхзависимость, он даже на первом году жизни отказывается от вмешательства родителей в свои занятия, его трудно чему-либо научить, он предпочитает до всего доходить сам. Родители одного мальчика очень точно отмечали, что его скорее можно было успокоить, эмоционально «заразить» своим состоянием, но очень трудно было отвлечь, переключить, предложить свою активную помощь. Вот характерное описание такого ребенка до года: ласковый, привязчивый, беспокойный, пугливый, заторможенный, брезгливый, «консерватор», упрямый.

На втором-третьем году родителей начинает беспокоить медлительность, крайняя неуверенность ребенка, задержка в развитии речи, трудности освоения моторных навыков, отсутствие тенденции к произвольному подражанию. Хотя в то же время непроизвольно такой ребенок обычно перенимает мамину интонацию, часто использует в речи эхолалии (неконтролируемое автоматическое повторение слов, услышанных в чужой речи) и употребляет достаточно длительно применительно к себе женский род (как говорит мама).

Попытки активно втянуть такого ребенка в целенаправленное взаимодействие приводят к быстрому его истощению, вызывают негативизм. Вместе с тем сам он может заниматься очень длительно какими-то своими манипуляциями, однообразными играми. Например, в год с небольшим один мальчик мог часами складывать детали конструктора и даже уснуть за этим занятием; другой ребенок мог целый день смотреть в окно на движущиеся поезда; это может быть бесконечное включение и выключение света, запуск юлы, проговаривание станций метро.

Момент начала самостоятельной ходьбы может быть у таких детей достаточно задержан (часто наблюдается большой временной интервал между хождением с поддержкой и попытками ходить самостоятельно), особая тормозимость при неудачах, первых падениях. Но когда такой ребенок уже начинает ходить самостоятельно, он может или стремиться не отпустить от себя маму, крепко держа ее за руку, или безудержно бежать. Нормальный кризис первого года с описанными выше трудностями выступает здесь в наиболее выраженном, пожалуй, даже патологически утрированном виде. И ребенок, и мама при этом чувствуют себя особенно потерянными. Стресс, переживаемый ими, обычно влечет за собой выраженную задержку двигательного, речевого и интеллектуального развития, а часто сказывается и на

здоровье ребенка, проявляясь в соматических заболеваниях, в хроническом астеническом состоянии ребенка.

ПОЗИЦИИ РОДИТЕЛЕЙ

Итак, характерные признаки аутистического развития могут проявляться в раннем возрасте по-разному. Они выражаются с большей или меньшей интенсивностью, начинают проявляться сразу, либо проходит какой-то этап относительно благополучного развития с едва уловимыми тенденциями будущего неблагополучия. Поэтому и родители оказываются в разном положении: от состояния изначального беспокойства до внезапного осознания того, что блестяще развивающийся ребенок имеет столь серьезные проблемы.

В ряде случаев это ощущение у близких возникает ближе к 2 - 2,5 годам. В это время трудности впервые могут стать очевидными. Например, разладился сон, появились какие-то выраженные страхи или навязчивые движения, стала уходить речь, ребенок перестал реагировать на обращения и др. Обычно это привязывается к какой-то болезни или к какому-то тяжелому переживанию малыша, к возникновению стрессовой для него ситуации. Например, мама вышла на работу, а ребенок стал оставаться в чужом доме у родителей отца, которых раньше видел редко; или малыш гостил летом у бабушки в деревне («Там вроде бы он был в порядке, но когда привезли домой – почти перестал говорить»); или была неудачная попытка отдать в ясли; или он перенес какое-то серьезное соматическое заболевание; или, наконец, просто тяжело резались зубы (так, у одной девочки в 1 год 8 месяцев именно в это время начались сильнейшие крики по ночам, оформились страхи, стала пропадать речь). Выдвигаемые объяснения вполне понятны: ведь формирующаяся детская психика так хрупка, но она и пластична. Однако, в данном случае, неблагоприятная ситуация проходит, а проблемы не только не уменьшаются, но, наоборот, начинают нарастать и закрепляться.

Родители естественно обращаются за помощью к неврологу или психиатру, получают рекомендации по медикаментозному лечению ребенка. В большинстве случаев специалист высказывает предположение о психическом заболевании. Мысль о столь «страшном диагнозе» обычно является шоком для родителей. Теперь закономерно в хроническую стрессовую ситуацию попадают близкие ребенка. Одни в стремлении «снять диагноз» пытаются попасть на консультации других специалистов и ходят кругами в надежде услышать другое мнение. Другие, наоборот, сразу обреченно «верят», тщательно выполняют все медикаментозные предписания, но впадают при этом в

тяжелую депрессию. Третьи активно отказываются принять предполагаемый врачом неблагоприятный прогноз и стараются доказать, что ребенок не безнадежен. Но это постоянная борьба со своими сомнениями, тревогами, разочарованиями, постоянная «перепроверка» ребенка отнимает так много душевных и физических сил у них обоих. Чаще всего разные позиции встречаются в одной и той же семье – по-разному смотрят на малыша мать и отец, родители и старшее поколение, те, кто с ним проводит большую часть времени, и те, кто видит его изредка или со стороны.

В других случаях у родителей ребенка, особенно у матери, первые тревоги возникали еще задолго до 2,5 лет. Однако, к сожалению, у нас нет практически служб помощи детям раннего возраста с угрозой неблагоприятного развития. Специалисты, к которым традиционно могут обратиться родители (педиатр, невролог, сурдолог) не могут оказать достаточную помощь в плане ранних коррекционных воздействий. Даже чутко откликаясь на сомнения мамы, каждый специалист видит отклонения прежде всего в своей области.

Поэтому, очень часто, судя по историям развития аутичных детей, мы видим процесс ранней диагностики, идущий со знаком «минус»: сначала подозревали детский церебральный паралич – этот диагноз был снят; потом думали о снижении слуха – не подтвердилось. Конечно, в случаях даже малейшего подозрения о возможностях нарушения моторики, речи, восприятия, каких-то знаках органического происхождения, необходимо проверить эти сомнения, так как более ясную диагностическую картину может дать только время и страшно пропустить какое-то ранее проявление, например, нарушения тонуса, либо признаки эпи-готовности (что встречается и при раннем детском аутизме) – все это требует специальных воздействий.

Вместе с тем, часто оказывается, что все эти подозрения не подтверждаются, и серьезных проблем у ребенка нет или своевременная помощь (например, массаж при задержке моторного развития) их достаточно быстро компенсирует. Однако у мамы остается постоянное ощущение неблагополучия. Его часто трудно сформулировать. Как характерен рассказ матерей о том, как на их обращение к педиатру, что ребенок «как-то не так смотрит», что «трудно добиться от него ответного общения», они встречали недоумение или реплику: «Ну что Вы придумываете? Хороший, здоровый малыш!»

Раньше можно было представлять себе, что происходило с аутичным ребенком на первом году жизни только по воспоминаниям близких. Теперь, благодаря ставшей уже не редкостью возможности домашних видеозаписей, удается увидеть кадры, в которых заснято его поведение на самых ранних этапах жизни в привычной обстановке. Так, например, на одной таких запи-

сей поведения девочки в возрасте от 3-х месяцев до 1,5 лет обращает на себя внимание отсутствие ее живой реакции на лица домашних, какая-то удивительная замедленность движений, пассивность, предпочтение лежачего положения на спине, отсроченность реакций и их малая выразительность. Нигде она не плачет, ничего не просит, не смеется; не издает практически ни одного звука. Вместе с тем видно ее умное выражение лица, видна ее зачарованность мельканием цифр на видеоманитофоне, пламенем свечи. Долго и сосредоточено занимается она сжиманием и трясением целлофанового пакета, перебиранием кусочков конструктора, листанием книги и не проявляет никакого интереса к лежащим рядом игрушкам. Видно, как сложно маме привлечь ее внимание к себе, как трудно вызвать ее улыбку, реакцию на обращение, как аморфно висит она у нее на руках, как игнорирует брата, который ее тормозит. Конечно, при разовом непродолжительном наблюдении, все эти особенности не могут быть обнаружены – девочка может показаться просто очень спокойной, флегматичной, сонной. Но, когда подобные тенденции составляют основной фон взаимодействия ребенка с окружением, когда они повторяются изо дня в день, это безусловно должно настораживать.

Как же ведут себя родители, когда обнаруживают у своего малыша такие особенности эмоционального реагирования, такое своеобразие и ограниченность исследования окружения и контакта с близкими?

Крайне важно понять, как складываются отношения близких с ребенком в таких непростых условиях, какой положительный и отрицательный опыт они уже приобретают в контактах с ним до того времени, как попали на консультацию к специалисту и получили необходимые рекомендации, как они сами оценивают этот опыт, какими им представляется динамика психического состояния ребенка и дальнейшие перспективы. Конечно, все истории этих сложных взаимоотношений, также как и истории развития самих детей, которым в итоге был поставлен ранний детский аутизм, по-своему уникальны. Однако, также как существуют сходные, достаточно типичные по своим основным проявлениям варианты аутистического развития, отражающие закономерность его протекания, так и имеются сходные установки родителей на понимание особенностей ребенка и подходы в его воспитании. Рассмотрим некоторые, наиболее характерные из них.

Вариант первый

Обычно это очень преданные родители, стремящиеся как можно скорее исправить положение. Они делают отчаянные попытки преодолеть трудности - несмотря ни на что, привлечь внимание ребенка, наладить с ним взаимодействие достаточно директивным путем - пересилить «упрямство», заставить,

не идти у него на поводу. Достаточно часто такую роль берет на себя кто-то один, например, отец, которому кажется, что мама слишком балует, во всем уступает прихотям малыша и поэтому он совершенно ее не слушается, не знает слова «нельзя». И дело здесь совсем не всегда в какой-то особой жесткости стиля воспитания. Обычно отец, проводящий большую часть времени на работе, не имеет возможности постоянно видеть ребенка и убедиться в том, что его отчаянные требования неизменности окружения, в том числе постоянного присутствия матери, какие-то пристрастия, пресыщаемость в контактах – больше, чем каприз, а трудности обучения обычным бытовым навыкам (самостоятельного держания ложки в руке, освоения горшка) больше, чем нежелание. К тому же, если, у малыша умный взгляд, если иногда в своей логике поведения он может продемонстрировать сообразительность и способность, это естественно повышает к нему уровень требовательности. И, конечно, жалко измученную маму, которую он может буквально тиранить. Надо сказать, что такой директивный, не терпящий возражений подход (особенно, если он осуществляется в спокойной, бесстрастной форме) иногда срабатывает – ребенок действительно может однократно выполнить инструкцию и организовать себя. Но, к сожалению, очень непродолжительно, и это не оказывает решающего влияния на его развитие. Такая экстремальная необходимость «собраться» требует от ребенка такого напряжения, что в итоге он «разряжается» опять же на матери или в ее присутствии. С другой стороны, постоянное превышение реально доступного малышу уровня взаимодействия может спровоцировать возникновение новых и даже более острых поведенческих проблем – фиксированных страхов, в том числе своих близких, нарастающего негативизма, агрессии – все это приводит к еще большему уходу от контакта, большим сложностям повседневной жизни.

Вариант второй

Как правило, это очень чуткие, бережно подходящие к малышу родители. Поэтому они занимают скорее выжидательную позицию. Почувствовав, что ребенку комфортнее со своими не всегда понятными занятиями, родители перестают пытаться в них активно вмешиваться, пассивно принимают его таким, какой он есть, поддерживают лишь те ограниченные формы взаимодействия, против которых он не протестует или, которые он активно требует. Обычно при этом близкие очень тонко чувствуют состояние малыша, знают, что ему может понравиться, но еще больше, что может вызвать его негативную реакцию. Поэтому они сверхосторожны, не пытаются сами хотя бы немного изменить сложившиеся стереотипы отношений с ним, строго соблюдают все его привычки, запреты, требования. Понятно, что таким образом

родители с годами настолько втягиваются в этот патологический замкнутый круг, проживая изо дня в день один и тот же ограниченный сценарий, что зачастую сами поддерживают сохранение стереотипности в поведении ребенка. При этом складывающееся ощущение постоянной однообразности, отсутствия движения, переживание собственной беспомощности часто порождают у них депрессивное состояние. В таком состоянии невозможно эмоционально отреагировать на прорвавшуюся живую реакцию малыша, адекватно поддержать его редкую инициацию контакта, наконец, сохранять в семье атмосферу взаимопонимания, душевной поддержки и безопасности. Таким образом, невольно возникает как бы вторичная аутизация ребенка и в итоге ограничение возможностей его развития.

Вариант третий

Такие родители демонстрируют более естественный и гибкий подход: активный, направленный, но вместе с тем и осторожный. С одной стороны, он выражается в постоянном внимании к каждому проявлению активности ребенка, которое может быть использовано для общения и исследования окружения. Вместе с тем, не упускается и малейшая возможность вызвать такую активность. Избегается давление на ребенка, но интуитивно используются приемы непроизвольного включения его в ситуацию объединенного со взрослым внимания, комментирования того, на что смотрит малыш, того, что он делает.

Такой подход, безусловно, самый продуктивный. Даже, когда развитие ребенка очевидно идет по аутистическому типу, в этих условиях связь ребенка с близкими не теряется окончательно, не накапливается тяжелый груз преимущественно негативного опыта взаимодействия с ними и складываются постепенно рычаги эмоциональной регуляции его поведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Возраст детей от 0 до 3 лет – самый интенсивный период развития, за который ребенок успевает овладеть не только многими сложными навыками (двигательными, речевыми, интеллектуальными), но и взаимодействием с окружающим миром. Сами его взаимодействия с миром претерпевают огромные изменения, становятся чрезвычайно сложными. Тот эмоциональный опыт, который он получает в это время, становится основой всего его дальнейшего эмоционального, личностного, социального и интеллектуального развития. Поэтому так важно, чтобы ребенок прошел его благополучно, не

торопясь, не перескакивая через необходимые ступени развития. Для этого нужно, чтобы взрослый понимал логику его эмоционально-волевого развития, знал, когда возможно и уместно для ребенка усложнять его взаимодействия с миром.

Ритм и темп усложнения этих взаимодействий с миром зависит от индивидуальных особенностей ребенка, но существуют некоторые закономерные и обязательные этапы, прохождение которых отмечает истинный эмоциональный возраст ребенка. Иногда он может расходиться с тем возрастом, который указан в его свидетельстве о рождении и даже уровнем развития отдельных психических функций. Однако он тоже может оказывать решающее влияние на дальнейшее развитие ребенка.

Сам ход нормального развития достаточно сложен, благополучные периоды сменяются эпизодами страхов и разлада во взаимоотношениях с близкими. Но каждый этап вносит свой необходимый вклад в становление сложной системы организации мироощущения и поведения ребенка. Трудности, возникающие на каждом определенном временном отрезке, как раз и являются показателем нормальной динамики развития. Проблема состоит скорее в реакции взрослого на происходящее, его готовности своевременно помочь ребенку освоить новые возможности и предложить для этого те средства, которые соответствуют его реальному эмоциональному возрасту. Каждый такой выход из кризиса становится толчком для дальнейшего развития.

Внимательное совместное прохождение раннего периода развития позволяет ребенку максимально выявить индивидуальные жизненные особенности и помочь ему сформировать удобные для него формы социальной адаптации, обеспечить ему запас активности и прочности, возможности восстанавливаться после неизбежных стрессов.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Баенская Е.Р., Помощь в воспитании детей с особым эмоциональным развитием (ранний возраст). Теревинф, 2014 г., 112 стр.
2. Баенская, Елена Ростиславовна. Закономерности раннего аффективного развития в норме и при синдроме аутизма / Е. Р. Баенская // дефектология . – 2010 . – № 3 . – С. 3-11 . - Библиогр.: С. 10-11 . – На рус. яз.
3. Никольская О.С. Баенская Е.Р. Либлинг М.М. Аутичный ребенок. Пути помощи Издательство: Теревинф: 2015 год, 9-е издание, 288 страниц
4. Лебединская К.С., Никольская О.С. Диагностическая карта. Исследование ребенка первых двух лет жизни при предположении у него раннего детского аутизма. // Диагностика раннего детского аутизма. — М.: Просвещение, 1991
5. Победить аутизм. Метод семьи Кауфман. / сост. Н.Л. Холмогорова. – М.: Центр лечебной педагогики, 2005. – 96 с.

СОДЕРЖАНИЕ

1. ВВЕДЕНИЕ	2
2. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ РЕБЕНКА	
2.1. Первый год жизни	3
2.2. Первый возрастной кризис и его преодоление	9
2.3. Период раннего детства	12
3. ВАРИАНТЫ АУТИСТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ	15
4. ПОЗИЦИИ РОДИТЕЛЕЙ	23
5. ЗАКЛЮЧЕНИЕ	28
6. ЛИТЕРАТУРА	29